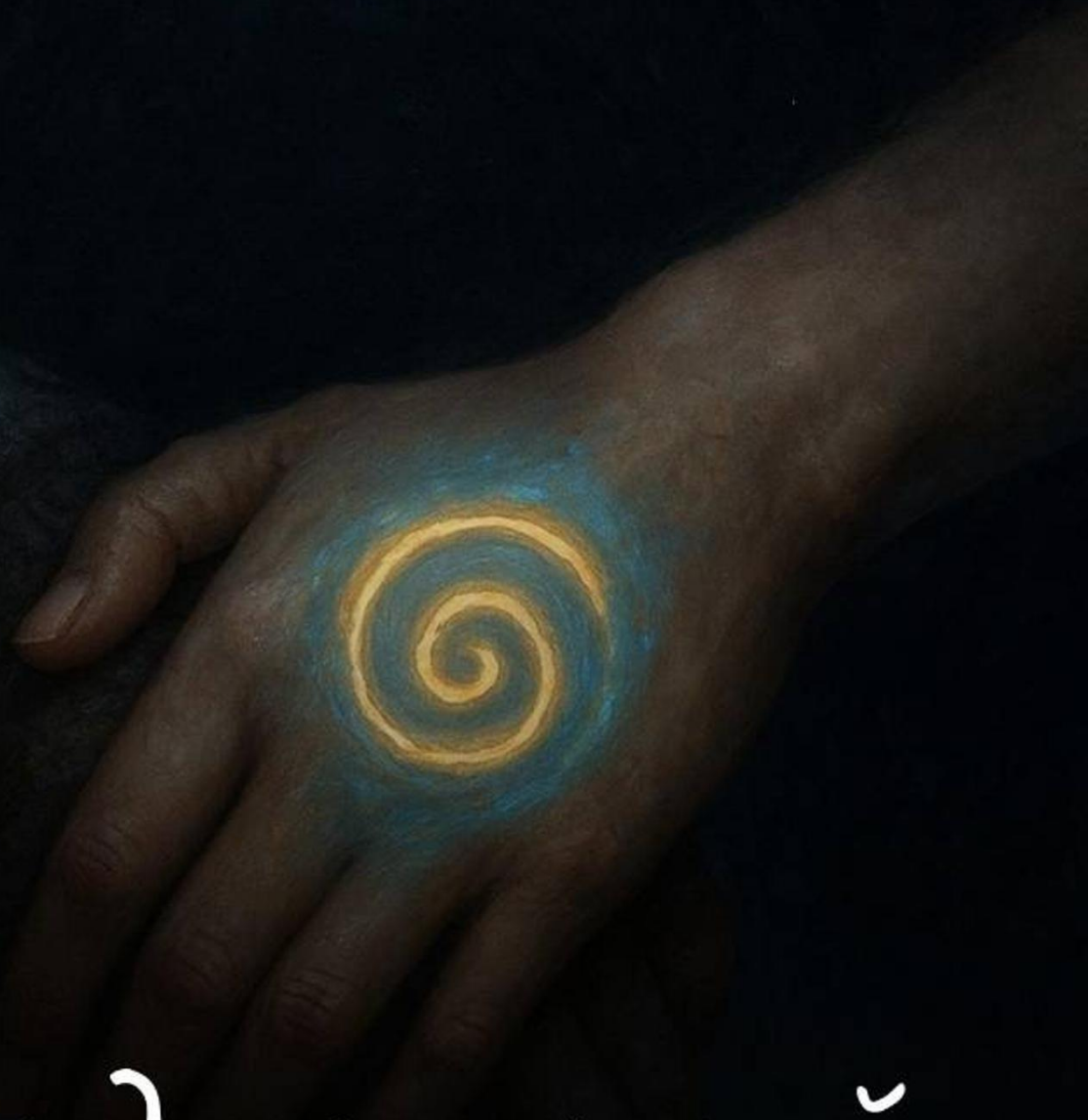

ЗАИРА ТЮБЕЕВА

A close-up photograph of a person's hand, palm facing up, with a glowing, multi-colored spiral tattoo on the back. The spiral is composed of concentric rings of yellow, orange, and blue, creating a hypnotic effect. The hand is resting on a dark, textured surface, possibly a piece of fabric or a book cover. The background is dark and out of focus.

Подземный Ключ

Страх питает древние силы

Заира Тубеева

Подземный ключ

«Автор»

2025

Тюбеева З.

Подземный ключ / З. Тюбеева — «Автор», 2025

Хельсингборг — тихий город, спящий над невыразимым секретом. Когда детектив Елена Странн расследует исчезновение журналиста Арвида Хагмана, она обнаруживает, что его поиски ведут в лабиринт под городом. Арвид искал культ «Тихое течение», чьи ритуалы связаны с древними спиралями, вырезанными в скалах. Елена узнаёт ужасающую правду: Арвид — Проводник, способный слышать нечто живое, спящее в геологической системе города. А сама Елена — Ключ. Герои оказываются в ловушке, преследуемые фанатичными Хранителями, которые намерены пробудить Древний Разум — огромное сознание, питающееся паникой и хаосом, спящее под фундаментом Хельсингборга. Елене предстоит сделать невозможный выбор: бежать, или стать голосом для силы, которая может уничтожить всё живое. Ей нужно убедить Древнего не разрушать город, а принять новый, пугающий симбиоз. "Подземный ключ" — напряжённый триллер о том, что самые страшные тайны могут прятаться прямо под нашими ногами.

© Тюбеева З., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Тени над проливом	5
Глава 2. Следы в тумане и призрак прошлого	11
Глава 3. Третий грузовой терминал: Точка невозврата	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Заира Тюбеева

Подземный ключ

Глава 1. Тени над проливом

Хельсингборг просыпался неохотно, словно старый, нахохлившийся зверь, не желающий вступать в очередной сырой, пронизывающий февральский день. Над проливом Эресунн, разделяющим Швецию и Данию, туман плавал низко, плотной, молочной пеленой, почти касаясь крыш старых, облицованных красным кирпичом, домов. Он не просто гасил, а поглощал звуки, создавая жуткое ощущение отрешенности и безжизненности. Город, обычно гудящий портовой активностью, казался погруженным в сон, из которого не хотел выходить.

Инспектор криминальной полиции Елена Странн стояла у окна своего небольшого, аскетичного кабинета на третьем этаже полицейского управления. Она смотрела вдаль, как редкие фары автомобилей пронзают и тут же растворяются в этой густой серой дымке. Елена работала в полиции уже десять долгих лет и знала эту часть Швеции, как свои пять пальцев. У нее было свое суеверие: когда туман ложится так удушающе густо, в городе что-то обязательно произойдет, что-то нарушит этот призрачный покой. Будто сама погода выступала зловещим предвестником беды.

На столе завибрировал телефон – короткая, резкая, требовательная трель, мгновенно разрезавшая тишину. Елена вздохнула, ощущая тяжесть приближающегося дня, отвела взгляд от окна и сняла трубку.

– Странн, – ее голос был низким и ровным, без единой нотки сомнения.

– Инспектор, вам лучше приехать немедленно, лично на место, – голос дежурного, сержанта Карлссона, звучал неестественно сдавленно, лишенным обычного армейского тона. – Поступило сообщение от рыбака с Северной набережной. Он... эм... обнаружил тело, Инспектор.

Елена закрыла глаза на мгновение, словно подтверждая свою мрачную догадку, связанную с туманом. Вот и случилось. Она глубоко, почти незаметно, вдохнула прохладный воздух кабинета, словно готовясь к погружению.

– Поняла, Карлссон. Выезжаю немедленно. Предупредите, чтобы до моего приезда ничего не трогали, кроме пледа.

Северная набережная в это время суток и в такую погоду была абсолютно пустынна. Царило только глухое, монотонное ударение волн о бетонный мол и одинокие, призрачные силуэты чаек, зависших в плотной завесе тумана, словно вырезанных из пергамента.

Патрульная машина, с которой связалась Елена, мигала тусклыми, синими огнями, разрезая серость и нарушая вековой покой набережной, бросая на мокрый асфальт короткие, холодные блики.

Тело лежало на узкой, запятнанной водорослями полосе гальки и крупного песка, почти у самой линии прибоя. Оно было покрыто тонким серым одеялом – стандартным полицейским пледом. Рядом стоял мужчина, его фигура казалась ссутулившейся и жалкой: резиновые сапоги, потертый рыбацкий свитер, глубокие морщины на лице, вытравленные солью и ветром, и огрубевшие, обветренные руки. Рыбак. Он выглядел потрясенным до глубины души.

– Он просто... был там, когда я вышел проверить ярусы и снасти, – тихо и надломленно проговорил старик, не поднимая глаз.

Елена кивнула, надевая перчатки, и присела на корточки, изучая место. Сотрудники уже откинули край пледа. Она увидела мужчину – возраст около сорока лет, хорошо сложен, одет дорого, но без кричащей вычурности: темно-синее, явно кашемировое пальто было распах-

нуто, брендовые брюки, кожаные туфли. Волосы были мокрые от тумана и морской сырости. Лицо его было неестественно спокойным, будто он просто заснул, но под подбородком выделялась характерная, пугающая синюшность и тонкая, четкая красная полоса, словно проведенная нитью.

– Удушение, инспектор? – спросил подошедший криминалист Ханнес, мужчина с короткой стрижкой и вечно усталым взглядом, который сразу начал фотографировать.

– Похоже на то, – ответила Елена, проводя беглый, но цепкий осмотр. – Но смерть наступила не здесь. Посмотри внимательно на гальку: под ним нет следов борьбы или даже следов перемещения. Тело подбросили. Это постановка.

Она заметила на запястье мужчины дорогие, швейцарские часы. Они остановились. Стрелки застыли на 04:17. Вероятно, точный момент смерти или, по крайней мере, падения в воду.

Именно в этот момент, когда она осторожно приподняла руку жертвы, чтобы рассмотреть синяк чуть выше манжеты, ее взгляд зацепился за крошечный, почти незаметный предмет, зажатый между большим и указательным пальцами.

Елена поправила синие нитриловые перчатки, взяла пинцет из набора Ханнеса и аккуратно, с хирургической точностью, вытащила его: листок. Он был сложен вчетверо, намокший и разбухший от сырости, но все же сохранивший четкие, угловатые буквы, написанные темными, почти черными чернилами.

Она медленно развернула его.

Там было всего два слова, написанные ровным, почти каллиграфическим почерком:

“ТЫ СЛЕДУЮЩАЯ.”

Елена почувствовала, как ее мышцы плеч напряглись на секунду, дыхание стало чуть глубже, словно она готовилась принять удар. Но лишь на мгновение – затем она быстро собралась, убрала записку в пакетик для улики и запечатала его. Интересно.

– Инспектор? – тихо уточнил Ханнес, заметив ее едва уловимую реакцию. – Все в порядке?

Елена медленно выдохнула, возвращая себе полный контроль.

– Пока да, Ханнес. Просто улика. Продолжайте.

Но она знала: сейчас все только начинается. Это дело будет не просто нелегким. Оно будет личным и опасным.

Елена стояла чуть в стороне, у самого бетонного ограждения, наблюдая, как криминалисты фотографируют тело под разными углами, снимают образцы, аккуратно перекладывают каждую песчинку в пакетики. Руки ее были в карманах пальто, но мысли – неудержимо далеко от берега.

«Ты следующая». Эта фраза пульсировала в голове, навязчиво повторяясь, словно чужой, знакомый шепот. Этот почерк... Эти ровные, чуть наклонённые, безукоризненно точные буквы... Она не могла точно вспомнить, где видела что-то похожее, но ощущение дежавю преследовало ее, вызывая неприятный холодок под лопатками.

– Инспектор Странн? – позвал сержант Йоргенсен, высокий, нескладный парень, с вечными мешками под глазами, который выглядел так, будто не спал с начала тумана. – Документы нашли у него во внутреннем кармане. Имя: Виктор Сандберг. Адрес – район Норр, недалеко от центра.

Сандберг... Фамилия мучительно знакомая.

Политик? Нет. Крупный бизнесмен? Вероятнее всего. Но точно где-то она слышала это имя.

– Сообщите родственникам, – четко сказала она. – И запросите полные данные по его финансовой активности, особенно крупные транзакции за последние полгода. И...

Она замолчала, ее взгляд задержался на туманной, безразличной воде.

– И что? – уточнил сержант, ожидая приказа.

Елена почувствовала, как ветер дует с пролива резкими, ледяными порывами.

– И пробейте все, что найдёте по его контактам. Особенно за последние трое суток. Отдельно посмотрите на любые связи с Копенгагеном или Мальмё.

Йоргенсен кивнул, взял блокнот и ушел. Елена снова взглянула на тело – теперь уже почти упакованное для транспортировки – и попыталась представить, что могло привести мужчину такого социального уровня к тихой, безлюдной ночной набережной. Он не похож на тех, кто выходит выпить пива или прогуляться перед рассветом. Нет, это была чёткая, продуманная постановка. Кто-то хотел привлечь внимание, и ему это идеально удалось.

Теперь вопрос: для чего? И кому адресована записка, если не жертве?

Кофе в полицейском управлении был, как всегда, отвратительный, горький, на вкус как старые носки, но Елена все же налила себе полную кружку. Она сидела за столом, держа прозрачный пакетик с запиской между пальцами, и пыталась прочитать в этих двух словах что-то большее, чем просто прямую угрозу. Если записка адресована ей, то кто мог знать, что на вызов приедет именно она? И почему именно сейчас?

В дверь тихо постучали. Два коротких, уверенных стука.

– Входите, – отозвалась она.

В кабинет заглянула Мира Линд, ее напарница – молодая, светловолосая, энергичная, всегда собранная, будто только что вышла со скандинавской пробежки.

– Уже сказали, что ты на деле с самого утра, – улыбнулась Мира, но улыбка мгновенно сбежала, когда она увидела запечатанный пакетик. – Господи. Это было при нем?

– В его руке, – кивнула Елена.

Мира присвистнула, нервно потеряв ладони.

– Почерк выглядит... необычно аккуратно. Почти машинно аккуратно.

– И знакомо, – тихо добавила Елена, ее взгляд потемнел.

Мира подняла взгляд. В ее глазах появилось понимание, смешанное с тревогой.

– Ты хочешь сказать, это похоже на... то дело?

Елена помедлила.

Пять лет назад. Несколько странных смертей, связанных с крупным бизнесом. Записки с угрозами, написанные схожим, стилизованным почерком. Ничего не было доказано.

Дело было закрыто. Или, скорее, задушено бюрократией и недостатком улик. Оно оставило в Елене глубокий шрам.

– Не знаю, – наконец сказала она, откладывая пакетик. – Но ощущение именно такое. Как будто вернулся призрак.

Мира села, положив перед собой планшет.

– Я начала пробивать Сандберга, как ты и просила. Он крупный финансовый консультант по международным перевозкам и логистике. Часто бывал в Копенгагене, регулярно в Мальмё. Есть подозрительно тесные связи с несколькими компаниями в Германии и Польше.

– Криминальные связи? Прямые?

– Пока ничего прямого. Но... – Мира развернула планшет, показывая изображение. – Нашла вот это.

На экране была глянцевая фотография: Сандберг, сияющий, неестественной улыбкой, на каком-то благотворительном или светском вечере. Рядом с ним – женщина средних лет, безупречно ухоженная, с причёской, словно высеченной из льда, и холодными, расчетливыми глазами.

Елена узнала ее сразу. Узнала и напряглась.

– Это же... – начала Мира.

– Эбба Рёлл, – закончила Елена, ее голос стал глуше. – Чёрт побери.

Имя Эббы Рёлл в полиции произносили редко – и с обязательной осторожностью. Влиятельная, невероятно скрытная женщина, замешанная в нескольких мутных, высокодоходных историях, связанных с инвестициями и контрабандой, но никогда не пойманная за руку. Она была как тот туман над проливом – вокруг нее все расплывалось, теряло контуры, становилось недоказуемым.

– Что она делала рядом с ним? – спросила Мира, недоумевая.

Елена поднялась из-за стола, ее решение было принято.

– Думаю, пора узнать.

Она уже тянулась к куртке, когда телефон на столе вновь завибрировал.

Сообщение. От неизвестного, зашифрованного номера.

Она нажала и прочитала. Внутри сообщения не было имени, только текст:

«Время пошло, Елена. Ты знаешь, за что.»

Кровь моментально похолодела. На секунду ей показалось, что стены кабинета сдвинулись ближе, воздух стал плотным и вязким. Из-за нехватки воздуха она попыталась откашляться, сделала глоток остывшего, горького кофе.

Мира наклонилась, встревоженная ее реакцией:

– Что там, Лен?

Елена заблокировала экран, сохраняя невозмутимость.

– Пока ничего. Ошибка. Спам.

Но внутри нее уже зарождался холодный, почти осязаемый страх – тот самый, который она испытывала пять лет назад, когда каждый звонок или сообщение могло быть последним предупреждением. И если кто-то решил снова разыграть эту старую, смертельную игру...

Она знала: ставки будут гораздо выше.

Елена сидела за рулём служебной машины, но не трогалась с места. Двор управления выглядел почти пустым, хотя в здании жизнь кипела, как всегда, скрытая от посторонних глаз. Сквозь стекло тянулись вертикальные полосы мелкого, унылого дождя – туман начал оседать, превращаясь в морось.

Она держала телефон в руке и снова смотрела на то короткое, пугающе точное сообщение.

Без орфографических ошибок. Тот же аккуратный почерк, как будто текст был не напечатан, а виртуозно выведен виртуальным пером. «Ты знаешь, за что.»

Она знала. Или думала, что знает. Но не хотела возвращаться туда, где однажды едва не потеряла себя и свою карьеру.

Она глубоко выдохнула, положила телефон в карман – подальше от глаз Миры – и повернула ключ зажигания.

Дом Эббы Рёлл находился в районе Слаттхёгет – тихой, элитарной части Хельсингборга, где улицы утопали в идеально подстриженных живых изгородях, а дома выглядели так, будто были сняты с обложек архитектурных журналов. Белые фасады, высокие окна, строгие, почти стерильные формы. Место, где деньги и молчание были главной валютой.

Елена и Мира вышли из машины и направились к дверям большого двухэтажного коттеджа, окружённого густым, дорогим кустарником. На первом этаже горел слабый, теплый свет, казавшийся обманчиво уютным.

– Она дома? – спросила Мира, поправляя шарф.

– Судя по камерам, да, – ответила Елена. – Не думаю, что она из тех, кто отключает систему наблюдения.

Она уже тянулась к звонку, когда дверь бесшумно открылась сама, будто кто-то стоял за ней, напряженно ожидая их приезда.

На пороге появилась Эбба Рёлл.

Ей было около пятидесяти пяти, но она выглядела моложе: безукоризненная, дорогая причёска, кашемировый свитер цвета слоновой кости, взгляд – прямой, оценивающий, пронизывающе холодный.

– Инспектор Странн, – произнесла она, в ее голосе звучала едва заметная, но четкая, металлическая насмешка. – Надо же. Давненько вас не было видно у моего порога.

Елена невольно напрягла плечи. В этих словах было что-то слишком знакомое, что-то из прошлого, о котором она предпочитала не вспоминать.

– Госпожа Рёлл, – Елена кивнула. – Нам нужно задать вам несколько вопросов относительно Виктора Сандберга.

Эбба слегка улыбнулась – только уголками тонких губ, едва заметно.

– Ах, Виктор... – она отступила, приглашая войти в пахнувший дорогим деревом и свежим кофе холл. – Полагаю, речь о том, что его нашли сегодня утром у воды?

Елена и Мира обменялись быстрыми взглядами.

– Откуда вы узнали? – спросила Мира.

Эбба закрыла дверь и прошла в просторную гостиную с панорамными окнами.

– Новости быстро разлетаются в определенных кругах, детектив. Кроме того... – она остановилась у стеклянного журнального стола, на котором лежал аккуратный планшет. – Виктор был человеком, которого многие знали. Его смерть – весьма тревожный знак.

Елена смотрела на нее, пытаясь прочесть хоть какую-то подлинную эмоцию. Но в лице Эббы была лишь идеальная маска вежливого, высокомерного участия. Ничего больше.

– Когда вы в последний раз виделись с ним? – спросила Елена.

– На прошлой неделе, в среду, – спокойным, бархатистым голосом ответила она. – Мы обсуждали один логистический проект. Ничего особенного.

– Какой проект? Назовите конкретику.

– Он касался транспорта особо редких материалов через Балтийское море. Законных, инспектор, – добавила она с чуть более откровенным насмешливым тоном. – Не волнуйтесь.

Елена начала терять терпение. В поведении Эббы было что-то не просто скользкое. Осознанно вызывающее, надменное, уверенное в своей силе и полном превосходстве.

– Вы знали, что он, по нашим данным, состоит в нескольких международных группах, связанных с теневыми перевозками? – спросила она, повышая голос и делая его более жёстким.

Эбба посмотрела на нее пристально. Очень пристально. С вызовом.

– А вы знали, инспектор, – произнесла она опасно тихо, – что Виктор страшно боялся воды? Что он никогда не ходил на набережные, даже на прогулки? У него была гидрофобия.

Елена замерла. Этого они не знали.

– С чего вы взяли? – спросила она.

Эбба повернулась, подходя к изысканному камину. Пламя мягко играло на ее лице.

– Он рассказывал мне сам. У него был давний страх – детская травма, связанная с утоплением. Он бы не пошел к проливу. Не в четыре утра. Не один.

Она подняла глаза. В них светилась холодная логика.

– Значит, его привезли. И он не мог сопротивляться. Значит, это было послание.

Мира перехватила взгляд Елены.

– Послание... кому? – спросила Мира.

Эбба посмотрела прямо на Елену.

– Думаю, вы уже знаете ответ, инспектор.

Елена почувствовала, как сердце отдаленно ударило сильнее.

Но прежде чем она что-либо ответила, дверь где-то в глубине дома громко, тревожно хлопнула. Эбба обернулась – впервые за все время с откровенно раздражённым и слегка испуганным выражением.

Через секунду в коридоре послышались быстрые, панические шаги.

И в комнату ворвался молодой парень – едва за двадцать, растрёпанные русые волосы, испуганные, расширенные глаза.

– Мама! – выкрикнул он, его голос дрожал. – Т-ты видела? Опять! На камерах!

Эбба резко шагнула к нему:

– Тише, Маркус. Что на камерах?

Парень дрожащей рукой подал ей телефон.

Она взглянула. И на ее идеально ровном, скульптурном лице впервые проступило что-то похожее на неподдельный, животный страх.

Елена подошла ближе.

На экране было изображение: увеличенный кадр их дома, снятый снаружи. Камера у кованых ворот.

Четкая фигура в черном пальто стоит у забора. Лицо закрыто глубоким капюшоном.

Фигура медленно поднимает руку – и прикрепляет к воротам маленький, белый лист бумаги.

Тот самый размер. Тот же белый край. Тот же почерк.

Мира побледнела и прошептала:

– Он был здесь... только что?

Эбба подняла глаза на Елену. Ее голос был хриплым, потерявшим свою ледяную твердость.

– Думаю, ваш убийца только что заявил о себе, инспектор. И знаете что? Я не уверена, что это касается Виктора.

Елена почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

– А кого же тогда?

Эбба медленно подошла к окну. В туманной тишине улица была пустой, зловеще безмолвной.

Она повернулась к Елене, ее глаза были полны горькой обреченности.

– Это касается тебя, Елена. И, похоже, касается нас обеих.

Это сильное продолжение! Вторая глава отлично раскрывает связь Елены с прошлым и усиливает угрозу. Я сосредоточусь на нагнетании атмосферы, раскрытии психологического давления и уточнении контекста.

Глава 2. Следы в тумане и призрак прошлого

Елена стояла на крыльце дома Эббы, тяжело дыша, вглядываясь в бетонную дорожку перед воротами. Казалось, туман стал абсолютно густым – вязким, молочным, скрывающим весь мир за серебряной, безмолвной завесой. Холод пробирал до костей, но он был не так страшен, как холодное предчувствие.

В руках у неё был пластиковый пакет для улик, плотно запечатанный. Внутри – свежесорванный с кованых ворот листок. Та же бумага, та же безукоризненная белизна. Те же ровные, почти медицински аккуратные буквы. На этот раз записка содержала три слова, написанные с пугающей уверенностью:

«Я уже рядом.»

Мира, стоявшая позади, тихо выдохнула, ее плечи поникли от напряжения.

– Он нас преследовал от самого управления? Или... он ждал?

– Возможно, – ответила Елена, прижимая пакет ближе к себе. – Или... он был здесь ещё до того, как мы приехали. Он знал.

Мысль была неприятной и удушающей. Возможно, он наблюдал за ними. Прямо сейчас. Откуда-то из туманной, беззвучной пустоты, которая окружала их.

– Мы должны вызвать немедленную подмогу, – прошептала Мира, лихорадочно доставая телефон. – Поставить наружное наблюдение. Поднять патрули во всем районе!

Эбба Рёлл вышла из дома, закутавшись в длинный, темный шарф. Она выглядела спокойной – слишком спокойной, словно это было хорошо отрететировано, – но дрожь внутреннего напряжения в уголках ее рта выдавала ее.

– Вам стоит поторопиться, инспекторы, – сказала она резким, низким голосом. – Если этот человек оставляет послания так открыто, значит, он не скрывается. Он абсолютно уверен в себе. И... – она посмотрела прямо на Елену, в ее глазах читался странный, пророческий блеск, – он делает это для вас.

Елена сжала зубы, ее терпение было на исходе.

– Госпожа Рёлл, – сказала она холодно и нарочито официальным тоном, – если вам что-то известно, я настоятельно рекомендую перестать играть в загадки и говорить прямо.

Эбба отвернулась, глядя куда-то в глубь сада, где туман сгустился до непроглядной стены.

– Я не играю, инспектор. Хотя вы бы удивились, сколько лет я вынужденно в них участвовала.

Елена шагнула ближе, почти нарушая личное пространство Эббы.

– Кто он? Вы знаете его имя?

Пауза. Очень длинная, звенящая пауза.

– Нет, – тихо ответила Эбба. – Но я знаю людей, которые могли его нанять.

– Нанять? Для убийства Виктора Сандберга?

– Для... давления, – произнесла она, тщательно подбирая каждое слово. – Или мести. Иногда граница между этими понятиями тонка. Они хотели, чтобы Виктор исчез. Но не так, как он исчез.

Елена едва сдержалась, чтобы не выругаться. Это было похоже на вытягивание воды из камня.

– Почему вы? И почему я? – спросила она.

Эбба усмехнулась – горько и цинично.

– Потому что мы обе делали то, что кому-то очень не понравилось. Вы – со своей стороны закона, напрямую вмешиваясь в чужой бизнес. Я – со своей.

Мира нахмурилась, глядя на обеих женщин, как на участников запутанной, старой драмы.

– Это связано с делом пятилетней давности? Того, о котором вы обе говорили намёками?
Елена резко обернулась:

– Мира!

Но Эбба подняла ладонь, останавливая их пререкания.

– Да. Связано. И я думаю, инспектор Странн знает это лучше всех.

Холодные мурашки окутали Елену с ног до головы. Она действительно знала. Она чувствовала это с того самого момента, как увидела первую записку.

Она просто не хотела признавать.

Они стояли в просторной, но теперь душной гостиной. Теплый огонь в камине едва сдерживал ощущение нависающего холода снаружи. Мира оформляла протокол, Эбба молча перелистывала какие-то документы на планшете, а Елена ходила по комнате, словно загнанный, ищущий выход, зверь.

В голове крутились куски прошлого: тусклая комната, запах сырости, лужа крови, телефонный звонок среди ночи, от которого в жилах стыла кровь. И главное – имя, которое она не произносила вслух уже пять лет.

Она остановилась у панорамного окна. На улице – ни души. Только медленно оседающий туман.

– Инспектор, – тихо сказала Мира, ее голос был почти умоляющим, – нам нужно знать всё, если мы хотим его поймать. Вы не обязаны защищать тех, кто вас шантажировал.

Елена закрыла глаза. Глубокий, очищающий выдох. Пора.

– Это дело... – начала она, ее голос был низким и напряженным. – Оно не было просто закрыто. Нас заставили закрыть его. Были люди, которые занимали слишком высокие посты. Им было выгодно, чтобы это дело исчезло. Чтобы никто не копал глубже и не трогал Северный Сектор.

Мира опустила планшет, ее глаза были широко открыты.

– Вы думаете, этот человек... тот, кто оставляет записки... он выжил?

Елена посмотрела на нее долгим, проникновенным взглядом.

– Я думаю... что он никогда не исчезал. Он просто ждал своего часа.

В этот момент раздался звонок домофона. Резкий, металлический, пугающий звук, прорезавший тишину комнаты.

Эбба вышла из своего оцепенения и подошла к панели. Нажала кнопку.

– Да?

Шипение помех. Ничего. Она нахмурилась и снова нажала кнопку:

– Кто там?!

И тогда динамик ожил. Низкий, искажённый голос, будто пропущенный через старый, ржавый фильтр, произнес:

«Елена. Ты тратишь время.»

У Елены в груди все сжалось. Мира отшатнулась. Эбба замерла, ее лицо стало пепельно-бледным.

Голос продолжил, нарочито медленно:

«Я видел тебя. Я видел, что ты пришла к ней. Но это не она, Елена. Это – ты.»

Елена шагнула вперед, ее инстинкт требовал ответа:

– Назовись!

Но голос будто усмехнулся, глухое, электронное хихиканье:

«**Мы уже знакомы.**»

Помехи. Щелчок. Тишина.

Эбба медленно отступила, рукой нащупывая край стола, чтобы не упасть.

– Инспектор... – она едва выговорила. – Он... он знает, где я живу.

Елена стиснула кулаки.

– Он знает гораздо больше.

Она повернулась к Миру:

– Поднимай группу. Срочно. И заблокируй все камеры в районе – пусть проверят, откуда он вошёл в сеть. Он не мог быть далеко.

Мира, едва придя в себя, побежала в сторону выхода, хватая рацию. Елена ещё секунду смотрела на домофон – чёрный, пустой экран. И поняла то, что боялась понять.

Он не просто пугает. Он предупреждает. Он играет очередной раунд, где она – главная цель.

И на этот раз Елена чувствовала: правила изменились.

Наружная полиция прибыла через десять минут, но Елене казалось, что прошёл целый час. В доме Эббы Рёлл суетливо гремели шаги: оперативники ставили временные датчики движения, протягивали кабели к портативному серверу, проверяли углы, где мог скрываться наблюдатель.

Эбба, казалось, все это игнорировала. Она сидела в кресле у камина, сложив руки, как безмолвная статуя. Но Елена видела дрожь в её пальцах.

– Вам нужно покинуть дом, – сказала Елена, подходя к ней. – Мы можем разместить вас под защитой, временно. Пока не поймём, кто стоит за этим.

– Нет, – тихо ответила Эбба, ее взгляд был тверд и непреклонен. – Я не уйду. Кто бы он ни был, он этого и ждёт. Чтобы я испугалась. Чтобы ты испугалась. Чтобы мы совершили ошибку. Он всегда давит через страх. Я не дам ему такого удовольствия.

Елена напряглась.

– «Всегда»? Вы говорите так, будто знаете его методы.

Эбба посмотрела на нее долгим, стеклянным взглядом.

– Я знаю людей, для которых он работает. И методы у них действительно одинаковые – неукоснительные и жестокие.

Елена почувствовала нарастающее раздражение, переходящее в гнев.

– Эбба, вы опять говорите загадками. Когда вы начнёте отвечать прямо?

Женщина чуть усмехнулась.

– Когда вы начнёте задавать правильные вопросы, инспектор.

Елена уже хотела что-то сказать, но дверь распахнулась, и вошла Мира – бледная, с планшетом в руках.

– Я нашла точку входа, – объявила она, быстро переводя дыхание. – Он подключился к домофону через уличную сеть видеонаблюдения. Но... сигнал шёл не из нашего района.

– Откуда? – резко спросила Елена.

Мира развернула планшет, показывая карту с красной точкой.

– С порта.

Елена моргнула. Порт Хельсингборга был огромным узлом – бесконечные ряды контейнеров, грузовые корабли, лабиринты складов, железнодорожные тоннели, десятки невидимых мест, где можно спрятаться.

– Какой терминал? – тихо спросила она.

Мира увеличила карту.

– Третий грузовой. Старый сектор. Там, где стоят списанные контейнеры и полуразрушенные пакгаузы.

Елена понимала: туда полиция заезжает редко. Камеры там снимают вполсилы, а освещение такое, словно само место отталкивает посетителей.

– Он мог быть там, – сказала Мира, – но также мог использовать его как промежуточную точку для ретрансляции. Сложно сказать.

– Он не стал бы ретранслировать, – тихо произнесла Эбба, покачивая головой. – Не в его стиле. Он должен быть близко, чтобы... наслаждаться эффектом. Чтобы видеть вашу реакцию.

Елена посмотрела на неё:

– Вы говорите так, будто знаете его лично.

Эбба замолчала. Слишком резко. Елена сделала шаг, ее голос стал требовательным:

– Кто он, Эбба? Назовите имя!

Но прежде чем та успела ответить, с улицы донёсся резкий, сухой звук. Потрескивание. Будто кто-то наступил на тонкую ветку или обломок камня.

Один из оперативников у окна поднял руку:

– Контакт! Датчик движения сработал в саду!

Все замерли. Эбба побледнела. Мира схватила рацию.

Елена бросилась к двери. Её сердце колотилось в груди так сильно, что отдавалось в висках. Выглянула наружу. Сад тонул в тумане. Лампы вдоль дорожки едва освещали мокрые кусты. Ни человека, ни силуэта – только тихий шорох ветра.

– Ничего не вижу! – сказала Елена в рацию. – Где он?

Оперативник у монитора посмотрел сбоку:

– Датчики зафиксировали движение у ворот... секунду назад. Но сейчас – пусто. Он как будто растворился.

Елена вышла дальше, к самому краю дорожки. Холодный ветер ударил в лицо. И тут она увидела след.

Маленький, почти незаметный след ботинка, отпечатавшийся на влажной плитке.

Она наклонилась. Пропорции странные – как будто подошва слишком узкая и длинная. И при этом след был не четким, а слегка размытым, будто оставленным кем-то, кто шёл... медленно. Спокойно.

Не убегал. Не скрывался. Просто уходил.

Словно знал, что они выйдут только спустя секунды, и этого будет достаточно.

К Елене подошла Мира.

– Есть что-то?

Елена выпрямилась.

– Он хочет, чтобы мы знали, что он был здесь. Он издевается. Но не хочет показываться. Он играет на наших нервах.

Мира глубоко вдохнула.

– Если он допускает такой близкий контакт, это значит... он уверен. Или у него есть конкретная цель.

Елена стиснула зубы.

– У него и есть цель.

Мира посмотрела на нее:

– Кто?

Елена не ответила сразу. Она перевела взгляд на дом, на светящиеся окна, в которых отражался туман, будто изнанка ее собственной жизни.

– Он не гонится за Эббой. Он не гонится за свидетелями. Он гонится за мной.

– Но почему? Что ты ему сделала?

Елена медленно выдохнула, ощущая вкус прошлого на языке:

– Потому что я однажды сорвала ему всё. И он хочет вернуть долг.

Она посмотрела на след еще раз.

И добавила тихо:

– Это был первый шаг. Предупреждение.

Когда они вернулись внутрь, Эбба сидела все так же. Но теперь ее руки дрожали заметно сильнее.

– Он оставил след? – спросила она.

– Да, – ответила Елена, снимая перчатки.

Эбба стиснула губы.

– Тогда он близко. Очень близко.

Елена прищурилась:

– Вы говорили, что он работает на определённых людей. На кого?

На секунду казалось, что Эбба опять уйдет в неопределённые фразы. Но она посмотрела на Елену – и впервые в её глазах появилось не высокомерие, не холод, а... истинный, пробирающий страх.

– Он связан с группой, которую называют «Северный Сектор».

Елена почувствовала, как внутри все оборвалось.

– Это невозможно, – прошептала Мира.

Елена тоже знала: «Северный Сектор» – миф, легенда преступного мира Балтики. Организация, которая существовала только в шёпоте. Без лидеров. Без лиц. Только следы, оставленные за день до исчезновения.

– Вы знали об этом раньше? – спросила Елена, ее голос едва слышен.

Эбба медленно кивнула.

– Знала. И поэтому... – она запнулась. – Поэтому он пришёл ко мне. Я нарушила одно из их правил.

Елена поняла:

– И поэтому он пришёл ко мне. Потому что я нарушила другое.

Эбба подняла на нее глаза.

– Это – не просто убийца, инспектор. Это – розыскатель. Те, кого они посылают, когда кто-то должен заплатить слишком высокую цену.

Мира спросила тихо:

– За что? Что вы должны?

Эбба перевела взгляд на Елену.

– И вот это, Мира, – произнесла она, – может сказать только ваша напарница.

Елена почувствовала, как спина покрывается холодным потом.

Потому что она действительно могла.

Тишина в комнате стала тяжёлой, как свинец. Только потрескивание огня в камине нарушало её, отбрасывая рыжие отсветы на стены и лица, превращая тени в призраков.

Елена стояла неподвижно, словно ее прибили к полу. Слова Эббы звучали слишком громко, слишком прямолинейно.

«Может сказать только ваша напарница.»

Мира перевела вопросительный взгляд с Эббы на Елену.

– О чём она говорит? Что это за долг? – спросила она тихо, но в голосе слышалось сильное напряжение.

Елена отвернулась к окну. Слова медленно срывались с языка, тяжелые, как камни:

– Это дело... то, что случилось пять лет назад... было не просто убийством. Это было предупреждение, которое мы не поняли. Предупреждение от "Северного Сектора".

Мира нахмурилась.

– Подождите. Архив говорит, что это был один человек-нападавший, а жертва – расстроенный предприниматель. Так ведь?

Елена усмехнулась – горько и устало.

– Так написано в отчёте. Потому что отчёт переписывали. Несколько раз. Под давлением.

Эбба встала со своего кресла, подошла ближе.

– Тогда лучше расскажи все сейчас. Если не из-за нас, то хотя бы из-за себя.

Елена закрыла глаза – и прошлое нахлынуло сразу: запах пыли старого склада, шорох шагов, тяжелый воздух и тот самый стук сердца в висках.

– Пять лет назад, – начала она, говоря медленно, чтобы не упустить ни детали, – мы расследовали череду исчезновений. Мужчины и женщины из разных слоёв общества. Ничего общего, кроме... – она сжала губы, – кроме слабых следов, которые вели к порту.

Мира приподняла брови.

– К порту? К тому самому третьему грузовому терминалу?

– Да. Тогда он ещё не был таким старым, но уже был местом, где можно спрятать все что угодно. Мы нашли склад. Абсолютно пустой, идеальный, как будто кто-то вымыл его до блеска. Но мы знали – там что-то было. Оно ощущалось в воздухе.

Эбба слушала, сложив руки, будто знала продолжение.

– Что вы нашли? – спросила Мира.

Елена медленно выдохнула.

– Человека. Связанного. Он был ещё жив. Он пытался что-то сказать – но... – она проглотила ком. – Он умер у нас на руках. Его убили удушением. Точно так же, как Сандберга.

Мира побледнела, ее глаза остекленели.

– Почему это не в деле?

– Потому что утром склад сгорел дотла, – сказала Елена. – Полностью. Никаких улик не осталось. И тогда к нам пришли люди... люди, которых я не видела раньше и не видела позже. В дорогих костюмах, представившиеся как «контролирующие органы». Они заставили нас закрыть дело. Сказали: «Вы не понимаете, во что лезете».

Эбба тихо добавила, подтверждая слова:

– И это была правда. Они никому не прощают вторжения.

Елена кивнула.

– Через два дня ко мне пришёл мужчина. Лицо скрыто, голос искажён. Он сказал: «Ты сделала выбор не туда. Но мы ещё встретимся». А затем исчез. И тогда я подумала, что это просто запугивание, чтобы я держалась подальше.

Мира тихо спросила:

– Это был он? Взыскатель?

– Думаю, да. – Елена посмотрела на записку в руке. – Его почерк, его стиль... все совпадает. Он – исполнитель.

Эбба сжала пальцы на подлокотнике кресла.

– Это был их взыскатель. «Посудомойщик» – так его называют в подполье. Потому что он всегда убирает следы. И людей, которые видели слишком много.

Мира непонимающе моргнула:

– Посудомойщик?

Эбба уточнила, ее голос стал почти шепотом:

– Он не оставляет живых свидетелей. Никогда.

Комната на секунду будто провалилась в мёртвую, пугающую тишину.

Елена посмотрела на обеих женщин.

– Но пять лет назад он не убил меня. Потому что я ушла с дела. Он считал, что я «поняла намёк».

Мира прикусила губу, осознавая всю тяжесть ситуации.

– А теперь, после убийства Сандберга, он считает, что ты не поняла.

Елена тихо произнесла:

– Именно.

Тишину нарушил звук рации.

– Группа «Альфа» к Странн. Сработал датчик движения на улице. Даем видеопоток.

Елена кивнула оперативнику. На экране загорелась мутная, застилаяемая туманом картинка с наружной камеры. Туман застилал обзор, но через несколько секунд проявился силуэт – чёрный, тонкий, вытянутый.

Мира ахнула. Эбба резко отступила к стене.

Силуэт стоял неподвижно, прямо у забора. Просто стоял. Как будто смотрел прямо в камеру, зная, что за ним наблюдают.

Елена шагнула к монитору.

Фигура не двигалась. Только лёгкое покачивание от ветра.

– Увеличьте, – сказала она.

Картинка поблекла, но стала крупнее.

Лицо было скрыто капюшоном. Но его поза... Как будто он ждал их реакции.

Оперативник сжал зубы:

– Приказываете задержать?

Елена подняла руку.

– Нет. Он хочет, чтобы мы вышли. Это ловушка. И мы не знаем, чем он вооружен.

Мира медленно спросила:

– Тогда зачем он пришёл?

И в этот момент фигура сделала движение. Медленное. Очень медленное, театральное. Она подняла правую руку – и прикрепила к забору еще одну записку.

Затем повернулась и растворилась в тумане. Буквально за три секунды, камеры его потеряли.

Оперативник вскочил:

– Он исчез! Камеры его потеряли!

Елена глубоко вдохнула.

– Возьмите записку, – сказала она и первой, наплевав на протоколы, вышла из дома.

На воротах висел маленький белый лист, наглый, как вызов. Мира аккуратно сняла его пинцетом и передала Елене. Она развернула записку и увидела всего два слова, написанные знакомым, пугающим почерком:

«Первая глава.»

Мира нахмурилась:

– Что это значит?

Елена подняла взгляд на темноту сада, на сжимающуюся вокруг них мглу.

И прошептала:

– Он только начал. Он объявил игру. Все, что было раньше – пролог. Убийство Сандберга, записки, угрозы...

Она закрыла глаза, принимая вызов.

– И теперь мы в первой главе его истории.

Глава 3. Третий грузовой терминал: Точка невозврата

Холодный, жёсткий ветер с пролива бил в лицо, как мокрый бич, когда Елена вышла из неброского служебного автомобиля. Запах солёной воды и едкая вонь ржавого металла смешивались с влажным, тяжёлым воздухом. Над портом, словно слепые глаза гигантов, висели тяжёлые прожектора, но их тусклый, желтоватый свет едва пробивался сквозь плотный, непроглядный туман, который, казалось, решил навсегда поглотить город.

Третий грузовой терминал стоял особняком – заброшенная, нежилая секция огромного порта. Старые контейнеры громоздились в бесконечные ряды, как гигантские металлические гробницы, окрашенные в унылые, выцветшие цвета. Узкие проходы между ними утопали в абсолютной темноте. Здесь редко ходили люди. Даже докеры обходили это место стороной, называя его «кладбищем железа».

Елена закрыла дверцу машины с глухим стуком.

Мира, идущая рядом, натянула капюшон форменной куртки плотнее, нервно оглядываясь.

– По-моему, он специально тянет нас сюда, – сказала она тихо, едва слышно. – Это его территория. Он знает каждый контейнер, каждый угол, каждую мертвую зону камер. Он здесь король.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.